

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

Дефиниции культуры

Выпуск IX

Издательство Томского университета
2011

АКТУАЛИЗАЦИЯ МОРАЛЬНЫХ КОДЕКСОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

М.В. Черепанова

Актуализация того или иного феномена в конкретной исторической действительности детерминируется жизненной необходимостью, ибо во всех сферах бытия рано или поздно «всякая ненужность отрицается так же, как и несогласованность» [1]. Эпоха постмодерна, породившая наряду с высокими образцами человеческого духа и творчества множество противоречий, провозгласила отказ от традиционных морально-нравственных координат в пользу нового многомерного культурного пространства. Такая множественная вариативность восприятия действительности не могла в итоге не привести к несогласованности, которая в свою очередь в той или иной мере тормозит развитие общества. Именно поэтому в современной культуре с новой силой проявился интерес к феномену кодификации, что выразилось в создании значительного и, зачастую, чрезмерного количества различных ее образцов-кодексов. В данной связи особое внимание привлекают моральные кодексы.

Моральный кодекс – сложное структурное образование, в составе которого выделяются принципы, абстрагирующие в себе наиболее существенные черты всего прескриптивного содержания морали; ценности – объекты и явления, выступающие как значимые в жизни общества и отдельных групп, особое место среди которых занимает идея о должном – идеал, а также нормы, выступающие культурным механизмом закрепления и контроля в отношении реализации определенных функций, значимых с точки зрения удовлетворения жизненно важных нужд людей или поддержания совместности их существования. Появление подобного рода сводов этических начал наводит на мысль о том, что на смену эпохе постмодернизма приходит эпоха, озаменованная реставрацией былой культуры, ориентированной на некие вечные ценности и идеалы, своеобразная «неоклассика». Действительно, в постмодернизме

тотальный релятивизм, выражающийся во множественности прочтений любого события, противоречит самой сути кодификации, стремящейся подвести огромное число реальных ситуаций под общий знаменатель, нивелирует ее социокультурный статус, а практическую значимость сводит к нулю; иерархическая структура морального кодекса, вершину которой занимает идеал, выбивается из заданной ризоматической организации жизни. В то же время эпоха постмодерна выдвинула принципиально новый концепт морального поведения, представляющего собой не строгое соответствие заданной извне норме, но творение личности, созданное в процессе сугубо индивидуальной работы над собой.

История показывает, что абсолютизация жесткой моральной регуляции или, наоборот, полной свободы действий не может стать достойным разрешением возникающих в обществе противоречий. Необходим поиск компромисса, нацеленного на сочетание достижений классической и неклассической культуры, в частности, возможно составление кодексов, дающих лишь магистральное направление развития человека, но не претендующих на всеохватность своих формулировок. Таким образом, появляется пространство для реализации свободы личности, не выходящей за пределы общечеловеческих норм и ценностей. М.А. Можейко в данной ситуации говорит о возможном переходе от «этики кодекса» к «этике творчества» [2], направленной на иное понимание нравственного сознания и морального действия и стремящейся к выработке особого сценария морального поведения для каждого конкретного случая. Но для того чтобы подобный переход свершился, нужно время, в течение которого действия людей должны соотноситься с некоторыми неизблемыми принципами, образцы которых и призваны дать современные кодексы. Подобная стабилизация нравственного климата в обществе зачастую приводит к динамизации общественных отношений, служит стимулом для дальнейшего развития культуры.

Таким образом, для современных кодексов представляется необходимым соединение двух основных черт: иерархической структуры (предполагающей непременную интенцию к идеалу), свойственной для классического периода культуры, и магистральной вариативности, представляющей собой порождение эпохи постмодерна. Включение первого пункта обусловлено тем, что именно нормативность является «специфической онтологической характеристикой культуры» [3], которая всегда есть ориентация на нечто абсолютное, здесь-и-сейчас-невозможное и предполагает постоянную творческую переработку сложившейся ситуации с целью её преобразования в иное, высшее состояние. То есть чтобы кодекс стал не просто техническим документом,

но обрел принадлежность сфере культуры, необходима его направленность на трансформацию наличного бытия. Это требует включения в его структуру идеала как высшего уровня экзистенции, обеспечивающего интенциональность развития личности, а вместе с ней и культуры. Вариативность воплощения моральных императивов внутри магистрального направления, этот отголосок эпохи постмодерна, должна стать полезной в переходный период развития кодификации и послужить основой для выработки в дальнейшем принципиально иной системы ценностей.

Теория и практика моральной кодификации особенно актуальна для нашей страны на протяжении всей своей истории, подверженной сильному влиянию догматических учений, будь то православная этика или коммунистическая мораль. Можно говорить о том, что в самой психологии русского человека заложена необходимость подчинения тем или иным нормам и правилам, а вся судьба России – стремление к слабоочерченному идеалу, достижение которого невозможно по определению. Поэтому сама идея кодификации, существовавшая на протяжении всей ее истории, в настоящий момент с новыми силами и упорством, достойным порой лучшего применения, начала внедряться в жизнь. Составление любого морального кодекса («сведение в единое целое, упорядочение разнообразных моральных норм, имевших свое применение на бытовом уровне существования и развития людей, а также внедрение инновационных элементов норм мышления и поведения, осуществляемое культурными элитами общества» [4]) в посткризисные времена затруднено тем, что существовавшие до этого момента нормы поведения зачастую противоречили друг другу. В связи с этим встал вопрос о том, на какой основе создавать новые образцы моральной регуляции. После многочисленных неудачных попыток создания отечественными специалистами кодексов, копирующих западные аналоги, появилась мысль о том, что необходим поиск некоего основания, которое смогло бы обеспечить их долговечное и продуктивное существование. Для нашей страны наиболее фундаментальными и общепризнанными являются догматы христианского вероучения, представляющего собой по сути все то же вечное стремление к недостижимой цели. Поэтому некоторые заимствования основных принципов из данной сферы могут оказаться полезными в плане обеспечения незыблемого основания для новых утверждений. Так, в свое время был написан знаменитый «Моральный кодекс строителя коммунизма», авторы которого, несмотря на официально господствовавший в СССР атеизм, опирались не только на коммунистические постулаты, но и на заповеди Христа, это в немалой степени

поспособствовало тому, что данный кодекс был с энтузиазмом воспринят большинством советских граждан. Сегодня в еще большей мере актуализируются традиционные для нашей страны мотивы обретения русской национальной идеи, неизменно сопряженной с истинной верой и служением высшей цели – достижение благополучия страны и народа.

Образцы моральных кодексов, созданные в нашей стране в настоящее время, однако, не всегда соответствуют возложенной на них высокой миссии совершенствования человека, его воззрений и стремлений. Зачастую они превращаются лишь в подробную инструкцию по поведению в той или иной ситуации и не предусматривают наличия под собой некоего глубинного этического пласта, призванного активизировать работу сознания, пробудить работу мысли. Таким образом, кодекс лишается одной из своих важнейших составляющих. Неформальная морально-нравственная регуляция превращается в аналог регуляции технической.

Собственные неформальные кодексы поведения появляются сегодня не только у различных организаций и субкультур, но и у целых регионов. Так, например, продолжается стартовавшее в начале 2009 г. составление и обсуждение «Кодекса томича» [5]. Изначальная идея, выдвинутая инициаторами его создания, являющаяся верной и значимой по своей сути: «настоящий патриотизм – это повседневная забота об окружающих», к сожалению, достойного воплощения не получила. Следствием специфики деятельности ее составителей (представители одной из общественных природоохранных организаций области) стало то, что в структуре кодекса немалую часть занимают пункты, посвященные азам экологического воспитания. Авторы сочли нужным несколько раз включить в его состав пункты о необходимости соблюдать чистоту и порядок в городе и за его пределами, но в то же время мимо их внимания прошел вопрос о необходимости уважения к истории родного края. Вообще данный кодекс выглядит совершенно безличным. О его принадлежности к конкретному региону говорит только название, все пункты написаны от первого лица, подобно аффирмациям: быть может, если повторять их на протяжении всей жизни, требуемый эффект и будет достигнут, но в остальном подобная формулировка совершенно необоснованна. Составителям необходимо было либо называть этот свод правил поведения более абстрактно («Кодекс горожанина», например), или же, отталкиваясь от названия, внести в него пункты, характеризующие принадлежность именно Томску, а не любому другому городу. Остается непонятной логика, которой следуют составители

кодекса, – он слишком развернут для декларативного варианта, но и всеобъемлющим его назвать нельзя. Не претендуя на воспитание высокоморальных патриотических чувств у жителей города, он направлен исключительно на регуляцию поведения в конкретных ситуациях, не давая при этом общих императивов поведения в случаях, не предусмотренных данным кодексом. Заявленная составителями исходная мысль затерялась в потоке сплошь прописных истин, не всегда верно выраженных и не подкрепленных фундаментальным основанием. Таким образом, данный свод представляет собой набор конкретных предписаний, вполне возможных к исполнению. Он не предполагает существования некоего высшего образца, путь к достижению которого может принести с собой открытие новых культурных вершин, т. е. с точки зрения социокультурного прогресса он совершенно бесполезен.

Аналогичных сводов правил и предписаний, названных кодексами, но не оправдывающих своего назначения, создается сегодня огромное количество. С одной стороны, это положительный фактор, так как само явление кодификации является неизменным атрибутом культурного развития того или иного общества (именно появление тех или иных кодексов на протяжении тысячелетий подводило черту целым векам мировой истории и давало толчок новым, доселе неизвестным формам человеческого бытия). С другой же стороны, неумелое и необоснованное претворение кодексов в жизнь может свести на нет весь их прогрессивный потенциал, превратить в пустые декларации, лишённые творческого ядра. Подобное противоречие непременно должно быть преодолено путем изначально глубокого теоретического изучения данного феномена в качестве неотъемлемой части мировой культуры.

Литература

1. *Есенин С.А.* Собрание сочинений. Т. 2. М.: Сов. Россия; Современник, 1990. С. 282.
2. *Можейко М.А.* От «этики кодекса» к «этике творчества»: трансформация нравственного сознания в современной культуре [Электронный ресурс] / URL: <http://lib.icr.su/node/1239> (дата обращения: 27. 08. 2010).
3. *Аванесов С.С.* Нормативность культуры // Дефиниции культуры. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. Вып. 8. С. 12–15.
4. *Гуреев М.В.* Моральная кодификация как неотъемлемый инструмент развития культуры // Берестень: философско-культурологический альманах / НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2009. № 1 (3). С. 118–123.
5. *Кодекс томича (проект)* [Электронный ресурс] // Томск : официальный интернет-сайт Думы города Томска. URL: <http://duma.tomsk.ru/page/14588/> (дата обращения: 29.08.2010).